

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Акмеизм (от греч. акме – высшая степень чего-либо, расцвет, зрелость, вершина, остриё) – одно из модернистских течений в русской поэзии 1910-х годов, сформировавшееся как реакция на крайности символизма. Акмеисты объединились в группу "Цех поэтов", в 1912-1913 гг. издавали журнал "Гиперборей". Главные идеи акмеизма были изложены в программных статьях Н. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии», опубликованных в 1913 году в №1 журнала «Аполлон» (литературном органе группы в период ее расцвета), издававшемся под редакцией С. Маковского.

Детально разработанной философско-эстетической концепции акмеизм не выдвинул. Поэты разделяли взгляды символистов на природу искусства, абсолютизируя роль художника. Но они призывали очистить поэзию от использования туманных намеков и символов, провозгласив возврат к материальному миру и принятие его таким, каков он есть.

Для акмеистов оказалась неприемлемой импрессионистская тенденция к восприятию реальности как знака непознаваемого, как искаженного подобия высших сущностей. Акмеистами ценились такие элементы художественной формы, как стилистическое равновесие, живописная четкость образов, точно вымеренная композиция, отточенность деталей. В их стихах эстетизировались хрупкие грани вещей, утверждалась атмосфера любования бытовыми, привычными мелочами.

Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определенное, точное значение;
- предметность и чёткость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к "подлинности" его чувств;
- поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, "тоска по мировой культуре"

Гумилёв:

Мы, русские, не можем считаться с французским символизмом, хотя бы уже потому, что новое течение акмеизм отдаёт решительное предпочтение романскому духу перед германским. Подобно тому, как французы искали новый, более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда-либо, свободной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения.

Я высоко ценю символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, но мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной "прекрасной трудности" двух течений: акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню.

А один из принципов нового направления – всегда идти по линии наибольшего сопротивления.

Свои стихотворения читают Ахматова, Гумилёв и Мандельштам

Ты пожалела, ты простила
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.
Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, кто был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть имения.

Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту,
Всё, пред твоей склоняясь властью,
Всё дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.
Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я их петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.
Не накажи меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну,—
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.
Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условия, договоры.
И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый —
И я тоже. Умру с тобой!»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.
«Вся Россия запомнит ту перчатку, о которой говорит у Ахматовой отвергнутая женщина, уходя от
того, кто оттолкнул ее» - Чуковский

За гремучую доблесть грядущих веков...

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

1931 г.

Отзывы:

Василий Гиппиус:

«Голос, запевший в стихах А. Ахматовой, выдает свою женскую душу. Здесь все женское: зоркость глаза, любовная память о милых вещах, грация – тонкая и чуть капризная. Эта грация, эта не столько манерность, сколько видимость манерности, кажется нужной, чтобы закрыть раны, потому что подлинный лирик всегда ранен, а А. Ахматова – подлинный лирик».

Владислав Ходасевич:

«Они пытались создать акмеизм, из которого, в сущности, ничего не вышло и от которого ничего не осталось, кроме названия».

Лидия Гинзбург:

«Акмеизм — необыкновенно чистая литература»

Осип Мандельштам:

Не идеи, а вкусы акмеистов оказались убийственны для символизма

Сергей Городецкий:

Акмеизм же есть «борьба за этот мир, звучащий, красочный, меняющий формы, вес и время, за нашу планету Землю».

Событие:

1) Создание «Цеха поэтов»

"Цех поэтов" был основан в октябре 1911 года в Петербурге в противовес символистам, и протест участников группы был направлен против магического, метафизического характера языка поэзии символистов. Возглавляли группу Н. Гумилев и С. Городецкий. В состав группы входили также А.

Ахматова, Г. Адамович, К. Вагинов, М. Зенкевич, Г. Иванов, В. Лозинский, О. Манделъштам, В. Нарбут, И. Одоевцева, О. Оцуп, В. Рождественский. "Цех" издавал журнал "Гиперборей".

Название кружка, образованное по образцу средневековых названий ремесленных объединений, указывало на отношение участников к поэзии как к чисто профессиональной сфере деятельности. "Цех" был школой формального мастерства, безразличного к особенностям мировоззрения участников. Поначалу они не отождествляли себя ни с одним из течений в литературе, да и не стремились к общей эстетической платформе.

ДЛЯ КРИТИКОВ:

Цветаева –

После выпуска первого своего сборника «Вечерний альбом» (1910) **Марина Цветаева** обретает одного из самых близких друзей – поэта, философа и художника Максимилиана Волошина, разглядевшего в гимназистке, авторе «невзрослых» еще стихов – гениального поэта.

Как повлияло на неё венчание с Эфроном?

Первое время пара жила в полной любви и гармонии. Их отношения были очень нежными и уважительными: «Мы никогда не расстанемся. Наша встреча — чудо... Он — мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу — совершенно свободная», — делилась поэтесса в письме критику и философу В.В. Розанову. Спустя несколько месяцев после свадьбы у супругов родилась дочь, которую они назвали Ариадной. Однако Цветаева была очень влюбчивой девушкой и осталась такой же и после замужества. Много лет спустя Эфрон назовет ее «человеком страстей». В 1914 году она закрутила роман на стороне. Цветаева влюбилась в свою коллегу — поэтессу Софью Парнок. Эфрон знал о романе жены, но терпел ее измены. Цветаева была так увлечена новой любовью, что сама решила уйти из семьи. Однако спустя два года их с Парнок роман завершился. Цветаева вернулась к мужу, и в 1917 году у них родилась вторая дочь, которую назвали Ириной.

Немного о романе: К концу января друзья и родные Цветаевой уже потеряли надежду спасти ее от этой страсти. «У Марины [роман] усиленно развивается», написала Волошина Оболенской, «и с такой неудержимой силой, которую ничем остановить уже нельзя. Ей придется перегореть в нем, и Аллах ведаёт, чем это завершится».

Цветаева, казалось бы, подтверждает это мнение своим поэтическим воспоминанием о первой встрече с Парнок (№10, «Подруга»). В остальных пяти стихотворениях цикла, однако, ощущается враждебность к Парнок из-за ее «треклятой страсти». Эти стихи наводят на мысль, что весной Цветаева уже начала выздоравливать от своих «ожогов» и поэтому чувствует боль. В этот период Цветаева пишет сборник «Подруга», который был посвящён Софье Парнок.

Ахматова –

25 апреля 1910 года состоялась скромная церемония в Николаевской церкви села Никольская слободка (сейчас Левый берег Днепра в городе Киеве). В качестве свадебного подарка Николай Гумилёв написал «Балладу»:

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала всё, ты знала, что и нам
Блеснёт сиянье розового рая.

Никто ни сулил этому союзу долгих лет, и, тем не менее, Гумилёв прожил с Ахматовой 8 лет. К несчастью, этот брак не стал победой для Гумилёва. Поэтесса была слишком сконцентрирована на своем творчестве и в её сложной «жизни сердца» для супруга было отведено немного места. А сам Гумилёв... что ж, образ Прекрасной Дамой развеялся в атмосфере повседневной семейной жизни. И вскоре поэт находит новую музу. В имении матери он встречается со своей племянницей Марией Кузьминой-Караваевой. Гумилёв влюбляется в неё мгновенно, и Маша отвечает ему взаимностью. Однако, девушка была смертельно больна, и болезнь оставила им не так много времени... Впрочем,

для творчества поэта это обстоятельство было плодотворно — он вновь вошел в образ несчастного влюбленного. Для поэтессы было невероятно трудно упасть с пьедестала той неземной любви, которой Гумилёв одаривал её ранее. 1 октября 1912 года рождается их первый и единственный ребенок — сын Лев. Но и он не спасает этих увядающих отношений. Задыхающийся от быта Гумилёв ведет еще более холостяцкую жизнь, не скрывая своих увлечений. В 1913 году Гумилев отправился в поездку по Африке. Ахматовой пришлось разбирать письменный стол своего мужа и тогда она наткнулась на письмо одной из его возлюбленных. Должно быть это шокировало Ахматову и она не стала писать писем своему мужу в Африку.

Поездка в Италию:

Италия вдохновила поэтессу, влюбила в себя, не отпускала всю жизнь и, что немаловажно, платила взаимностью. В 1920-е годы именно творчество Анны Ахматовой было впервые среди русских поэтов переведено на итальянский язык, стихи полюбили широкой итальянской публике, а с легкой руки итальянцев и мировой общественности. Во многом благодаря Италии творчество Ахматовой приобретает мировую известность.

Впервые Анна Ахматова побывала в Италии в 1912 году вместе со своим мужем поэтом Николаем Гумилевым. В своей автобиографии поэтесса вспоминает о том времени:

В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуа, Венеция).

Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

Блок-

Сразу же после свадьбы Блок заявил жене, что физическая близость может разрушить духовную связь. Подобное отношение к браку сформировалось у поэта не только под воздействием философских взглядов Вл. Соловьева, но и в результате личного негативного опыта: физическая близость ассоциировалась у Блока с проститутками, и поэтому воспринималась как нечто грязное и кратковременное. Позже отношения супругов все же перешли эту грань, но спустя два года прекратились вовсе. Менделеева тщетно умоляла мужа в письмах: «Милый мой, ненаглядный, голубчик, не надо в письмах целовать ноги и платье, целуй губы, как я хочу целовать долго, горячо».

Любовь Дмитриевна чувствовала себя ненужной мужу и, как она писала, «брошенной на произвол каждого, кто стал бы за ней упорно ухаживать». Она долго металась, но в 1907 г. решила прекратить отношения с Белым. Однако брак это не спасло. У Блока в это время случился бурный роман с актрисой Натальей Волоховой. Менделеева сама пришла к сопернице и предложила ей взять на себя заботы о поэте: «К Сашеньке нужен особый подход, он нервен, его дед умер в психиатрической лечебнице, да и мать страдает эпилептическими припадками, а он к ней очень привязан... В общем, решайте сами». На этом роман и закончился.

Поездка в Италию:

Видимо, далеко не случайно, что поездка Блока в Италию состоялась именно в 1909 г. "Еще в феврале месяце,- свидетельствовала М. А. Бекетова, - у Блоков зародилась мысль о весенней поездке за границу, в Италию; купаться в море, жариться на солнце, окунуться в итальянское искусство — все это давно привлекало обоих. Они изучали Бедекера и составляли маршрут круговой поездки (в библиотеке Блока сохранились путеводители К. Бедекера по Италии, в которых имеются многочисленные блоковские пометы). (...) Оба с наслаждением думали об отъезде, готовились стряхнуть груз многообразных и тяжелых впечатлений русской действительности, забыть политиканство, дрязги, ссоры..."

Уже в Венеции Блок в значительной мере ощутил благотворное влияние Италии. В том же письме он отмечал: "Наконец-то нет русских газет, и я не слышу и не читаю неприличных имен Союза русского народа и Милюкова, но во всех витринах читаю имена Данте, Петрарки, Рескина и Беллини. Всякий

русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую родину- Европу, и Италию особенно".

Суть своего восприятия Италии Блок позднее сформулировал так: "Путешествие по стране, богатой прошлым и бедной настоящим, – подобно нисхождению в дантовский ад. (...) Италия трагична одним: подземным шорохом истории, прошумевшей и невозвратимой" ("Молнии искусства". СС-8 . С. 390). Ср. также высказывание Блока об Италии в письме к матери от 25 июня 1909 г.: "Это самая нелирическая страна – жизни нет, есть только искусство и древность. И потому, выйдя из церкви и музея, чувствуешь себя среди какого-то нелепого варварства".

По возвращении из-за границы Блок еще довольно длительное время находился под впечатлением от поездки, интересовался всем, что касалось Италии, ее истории, культуры, искусства. 1 декабря 1912 г. он отметил в своем дневнике, вспоминая 1909 г.: "После Италии было лето, когда мысль и жизнь были поработаны и сжаты Италией ... ". Это был период напряженного осмысления увиденного и пережитого за время путешествия

Маяковский-

Дольше всего Маяковский находился под арестом в Бутырской тюрьме, где, по собственному признанию, и начал писать. После освобождения из тюрьмы он вышел из партии, так как считал невозможным совмещать творчество и коммунистическую деятельность. Образование поэт получил в Строгановке и Училище живописи, ваяния и зодчества, единственном месте, куда отсидевшего в тюрьме Маяковского приняли без свидетельства о благонадежности. В училище Маяковский познакомился с Давидом Бурлюком, основателем футуристической группы «Гилея», вошел в поэтический круг и примкнул к кубофутуристам. 30 ноября 1912 года состоялось его первое публичное выступление в артистическом подвале «Бродячая собака». Первый сборник стихотворений Маяковского – написанный от руки и размноженный в типографии тиражом в 300 экземпляров – вышел в 1913 году. Маяковский быстро стал известен.

Сборник «Я!» обратил на себя внимание критики. В своем обзоре «Год русской поэзии» (апрель 1913 – апрель 1914) В. Брюсов писал: «Справедливость заставляет нас, однако, повторить то, на что мы указывали уже раньше: больше всего счастливых исключений мы находим в стихах, написанных В. Маяковским. У г. Маяковского много от нашего «крайнего» футуризма, но есть свое восприятие действительности, есть воображение и есть умение изображать.

Владимир Маяковский задумал свою поэму ещё до знакомства с Марией Денисовой, первоначально она должна была называться «Тринадцатый апостол». Но фактически история создания её начинается во время поездки футуристов по России. Знакомство с красавицей; её отказ вступить с ним в близкие отношения глубоко ранил Маяковского и в то же время дал ему большой творческий толчок: поэму, начатую в 1914 году, он закончил уже в июле 1915-го. В том же году произведение уже под названием «Облако в штанах» было опубликовано Осипом Бриком. Второе издание пришлось на 1916 год, и оба были сильно урезаны цензурой.

Жанр этого произведения – поэма. Сам Маяковский говорил, что это «четыре крика из четырёх частей». Он считал «Облако в штанах» катехизисом современного искусства – оно действительно новаторское по своей форме и бунтарское по содержанию. Ритмика стихотворения новаторская: использован модернистский подход, когда за ориентир берётся маршевый ритм и биение пульса. Все выразительные средства в нём используются не для красоты слога, а для того, чтобы более точно и ёмко передать мысль, которую поэт вкладывал в свои строки.

«Приду в четыре», – сказала Мария.

Восемь.

Девять.

Десять.

Вот и вечер

в ночную жуть

ушел от окон,

хмурый,

декабрь.

В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.
Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!
Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце – холодной железкою.

Есенин-

Встреча с Александром Блоком 9 марта 1915 года – один из важнейших рубежей в жизни Сергея Есенина. Сразу же после приезда в Петроград он, по сути дела никому не известный девятнадцатилетний юноша, передал Блоку записку с просьбой о встрече. Блок встретился с Есениным. И та оценка, которую стихи Есенина получили сначала у А.А. Блока, потом у С.М. Городецкого и других петроградских литераторов, положила начало его литературной известности. В автобиографии Есенин написал: «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что первый раз видел живого поэта».

Есенин прочитал ему свои стихи и получил рекомендательные письма для поэта Сергея Городецкого и влиятельного журналиста из «Биржевых ведомостей» Михаила Мурашова. А на есенинской записке Блок пометил для себя: «...стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык». Вскоре разнеслась молва, что в поэтической среде появился деревенский самородок, который талантливо слагает стихи о русской жизни. Так начался славный, хоть и короткий путь Сергея Есенина к популярности.

Те, кто знал его в Москве, отмечали, что по возвращении его было просто не узнать. Из застенчивого паренька он превратился в уверенного в себе и своем творчестве молодого человека, которого больше практически не терзали сомнения в том, что его ждет впечатляющее литературное будущее.

Есенин вступил в ряды имажинистов и подписался под Декларацией, отражавшей представления в основном Шершеневича и Мариенгофа, первый из которых был выходцем из околофутуристических кругов, второй тяготел к ним духовно. Этих новых приятелей Есенина нескрывая раздражал его «национализм», но им нужно было его громкое имя как знамя набирающего силу движения. Шершеневич в рецензии на «Ключи Марии» писал: «Эта небольшая книга одного из идеологов имажинизма рисует нам философию имажинизма, чертит то миропонимание новой школы, которое упорно не хотят заметить враги нового искусства. <...> Отмежевавшись от беспочвенного машинизма русского и итальянского футуризма, Есенин создает новый образ современной идеологии». Стихотворение «**Исповедь хулигана**» было написано **Есениным** в 1920 году, во время увлечения поэта **имажинизмом**. Влияние этого литературного течения явно ощущается в произведении: метафоры, бьющие на необычность, смелые образы, сочетание литературных и простонародных слов, рваный размер в духе Маяковского.

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.
Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуются хулиган.
Я нарочно иду нечѣсаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потѣмках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани

Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.
Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зелена.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.
Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных бабмаках.

Северянин-

После смерти Мирры Лохвицкой, являющейся для него Прекрасной Дамой, он нашел для своей поэзии точку опоры и создал свою вымышленную страну, свой волшебно-сиреневый рай, в котором царствуют грёзы, мечты, видения, звёзды, Королева-Прекрасная Дама, но и боль, и трагедия. Назовёт он эту страну Миррэлией, посвятив ей одноименный сборник.

Миррэлия – светлое царство,
Край ландышей и лебедей.
Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей.
Миррэлия – царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя в веках загорится
Для мира искомой Мечтой!

Во время тура футуристов в Одессе Владимир Маяковский познакомился со скульптором Марией Денисовой-Щаденко. Эта романтическая встреча вдохновила его на первую крупную работу, поэму «Облако в штанах».

Позже в Одессу добрались и эгофутуристы. Однако этот город стал последним в их гастрольном маршруте: они не имели такого успеха у зрителей, как шокирующие публику Маяковский и Бурлюк. Вскоре Игорь Северянин вернулся в Санкт-Петербург. По этому поводу он написал «Поэзу истребления», в которой объяснил, почему не поддерживает кубофутуристов:

«Позор стране, поднявшей шуму
Вкруг шарлатанов и шутов!
Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы
И стихотомы... без стихов!»

Гиппиус-

В результате событий, получивших название «**Кровавое воскресенье**», были убиты более 100 демонстрантов. Произошедшее произвело столь мощный эффект **на Гиппиус**, что в ее творчество

стали проникать политические и гражданские мотивы, которые писательница раньше была склонна обходить стороной. В это же время усилилась неприязнь, которую она вместе с супругом Дмитрием Мережковским испытывала к действующей власти. Гиппиус утвердилась во мнении, что «самодержавие — от Антихриста».

В истории русской литературы Гиппиус осталась, прежде всего, как свидетельница времени — самой напряженной, переломной, трагической эпохи. И наиболее востребованными являются её дневниковые записи — непосредственная реакция на происходящее в момент, когда ещё непонятно к чему приведут те или иные процессы.

Стих мой — о воле и власти.

Разве о боли? Разве о счастье?

И кем измерено, и чем поверено

Страданье каждого на его пути?

Но каждому из нас сокровище вверено,

И велено вверенное — донести.

Если говорить о религиозно-философских собраниях, всего прошло 22 встречи. К 1903 году направление умственной деятельности членов собрания приняло откровенно антицерковный характер, и К.П.Победоносцев соизволил запретить продолжение встреч.

Можно сказать, что все основные достижения Серебряного века русской культуры — поэзия символизма, живопись модерна, русский балет, музыка и религиозная философия — выросли из зерна, посеянного в этом салоне. Д. С. Мережковский и З.Н.Гиппиус были активными сторонниками создания «Третьего Завета» — новой формы религиозного сознания, преобразующего все стороны человеческой культуры. Они стремились произвести «религиозную революцию», объединить в новом учении церковь, интеллигенцию и народ.

Для проведения реформы человеческой духовности руководители собраний пытались отыскать у традиционного европейского христианства слабое место, «ахиллесову пяту». Таковой было признано игнорирование плоти, земной материальной жизни в христианской культурной традиции. Теория необходимости «умерщвления плоти» как пути к нравственному совершенству решительно отвергалась Мережковскими, стремившимися достичь гармонии материального и духовного в человеке.

Вследствие этого на собраниях звучала резкая критика православия и христианской церкви, притом исходившая не от революционеров-атеистов, а вполне благопристойных и признанных обществом и самой церковью религиозных мыслителей. Это сыграло большую роль как в развитии светской культуры Серебряного века, так и в отрыве образованного общества России от своих глубинных христианских корней.

Мандельштам-

Мандельштам постоянно вспоминал высказывания Гумилева о том или другом стихотворении или примеривал, как бы он отозвался о новых стихах, которые уже нельзя было ему прочесть», вдова поэта касается и чисто литературных влияний: «...строчку «дурно пахнут мертвые слова» Мандельштам любил... И в «Восьмистишиях» есть реминисценции из Гумилева. Мандельштаму нравились куски из «Звездного ужаса» («Что за жертва с теменем разбитым»), а в одном из них он не узнал перефразы из Библии («страх, петля и яма»). Как и при всяком чтении поэтов, Мандельштам искал у Гумилева удач... «Из города Киева, из логова змиева» превратилось в «Киев-Вий» в одном из последних стихотворений Мандельштама. Однако отзвуки гумилевской поэзии можно найти не только в поздних мандельштамовских стихах (они обнаружены и в «Неизвестном солдате»), но и в ранних — вошедших в состав его первого сборника «Камень».

Из всех известных сборников Осипа Мандельштама «Камень» является наиболее интересным с точки зрения мировосприятия поэта, его жизненных ценностей и целей; к тому же именно «Камень» чаще всего ставится на первый план как объект анализа особенностей стилистики и лексики художественных поэтических текстов Мандельштама. Сборник полон размышлений автора (либо его

лирического героя) о вечном, и временном, потустороннем и приземлённом, жизни и смерти, надёжности или непостоянстве всего сущего.

Гумилёв-

Пройдет всего два года, и некогда пылкий влюбленный, столько лет добивавшейся своей возлюбленной, начнет Ахматовой изменять. Ему была интересна только ускользающая цель. Богиня, которая недоступна. Не образумит его даже рождение сына. Ахматова посвятит мужу строки.

Он любил...

Он любил три вещи на свете:

За вечерней пенью, белых павлинов

И стертые карты Америки.

Не любил, когда плачут дети,

Не любил чая с малиной

И женской истерики. ...

А я была его женой.

Впрочем, для творческой общественности такое поведение поэта не было удивительным, один из современников назвал Гумилёва «повесой из повес, у которого на моих глазах столько завязывалось и развязывалось романов «без последствий». Начинается Первая мировая война, Гумилев уходит на фронт. Анна Ахматова, чувствуя себя нелюбимой мужем, тоже начинает ему изменять. Когда поэт возвращается домой, они разводятся после 8 лет сложнейшего брака.

Осенью 1911 создается «Цех поэтов», манифестировавший свою автономию от символизма и создание собственной эстетической программы (статья Гумилева «Наследие символизма и акмеизм», напечатанная в 1913 в «Аполлоне»). Первым акмеистическим произведением считали в Цехе поэтов поэму Гумилева «Блудный сын» (1911), вошедшую в его сборник «Чужое небо» (1912). В это время за Гумилевым прочно укрепилась репутация «мастера», «синдика» (руководителя) Цеха поэтов, одного из самых значительных современных поэтов.